

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ревск

ГЛАВА 1

ИСПОРЧЕННАЯ КАМЕРА

Миша тихонько встал с дивана, оделся и выскользнул на крыльцо.

Улица, широкая и пустая, дремала, согретая ранним утренним солнцем. Лишь перекликались петухи да изредка из дома доносился кашель, сонное бормотанье — первые звуки пробуждения в прохладной тишине покоя.

Миша жмурил глаза, ежился. Его тянуло обратно в теплую постель, но мысль о рогатке, которой хвастал вчера рыжий Генка, заставила его решительно встряхнуться. Осторожно ступая по скрипучим половицам, он пробрался в чулан.

Узкая полоска света падала из крошечного оконца под потолком на прислоненный к стене велосипед. Это была старая, сборная машина на спущенных шинах, с поломанными, ржавыми спицами и порванной цепью. Миша снял висевшую над велосипедом рваную, в разноцветных заплатках камеру, перочинным ножом вырезал из нее две узкие полоски и повесил обратно так, чтобы вырез был незаметен.

Он осторожно открыл дверь, собираясь выйти из чулана, как вдруг увидел в коридоре Полевого, босого, в тель-

няшке, с взлохмаченными волосами. Миша прикрыл дверь и, оставив маленькую щелку, притаился, наблюдая.

Полевой вышел во двор и, подойдя к заброшенной собачьей будке, внимательно осмотрелся по сторонам.

«Чего ему не спится? — думал Миша. — И осматривается как-то странно...»

Полевого все называли «товарищ комиссар». В прошлом матрос, он до сих пор ходил в широких черных брюках и куртке, пропахшей табачным дымом. Это был высокий, мощный человек с русыми волосами и лукавыми, смеющимися глазами. Из-под куртки на ремешке у него всегда болтался наган. Все ревские мальчишки завидовали Мише — ведь он жил в одном доме с Полевым.

«Чего ему не спится? — продолжал думать Миша. — Так я из чулана не выберусь!»

Полевой сел на лежавшее возле будки бревно, еще раз осмотрел двор. Пытливый взгляд его скользнул по щелочке, в которую подглядывал Миша, по окнам дома.

Потом он засунул руку под будку, долго шарил там, видимо ощупывая что-то, затем выпрямился, встал и пошел обратно в дом. Скрипнула дверь его комнаты, затрещала под грузным телом кровать, и все стихло.

Мише не терпелось смастерить рогатку, но... что искал Полевой под будкой? Миша тихонько подошел к ней и остановился в раздумье.

Посмотреть, что ли? А вдруг кто-нибудь заметит? Он сел на бревно и оглянулся на окна дома. Нет, нехорошо! «Нельзя быть таким любопытным», — думал Миша, ожесточенно ковыряя землю. Он засунул руку под будку. Ничего здесь не может быть. Ему просто показалось, будто Полевой что-то искал... Рука его шарилась под будкой. Конечно, ничего! Только земля и скользкое дерево... Мишины пальцы попали в расщелину. Если здесь и спрятано что-нибудь, то он даже не посмотрит, только убедится, есть тут что или нет. Он нащупал в расщелине что-то мягкое, вроде тряпки. Значит, есть. Вытащить? Миша еще раз оглянулся

на дом, потянул тряпку к себе и, разгребая землю, вытащил из-под будки сверток.

Он стяхнул с него землю и развернул. На солнце блеснул стальной клинок кинжала. Кортик! Такие кортики носят морские офицеры. Он был без ножен, с тремя острыми гранями. Вокруг побуревшей костяной рукоятки извивалась бронзовым телом змейка с открытой пастью и загнутым кверху язычком.

Обыкновенный морской кортик. Почему же Полевой его прячет? Странно. Очень странно. Миша еще раз осмотрел кортик, завернул его в тряпку, засунул обратно под будку и вернулся на крыльцо.

Со стуком падали деревянные брусья, запиравшие ворота. Коровы медленно и важно, помахивая хвостами, присоединялись к проходившему по улице стаду. Стадо гнал пастушонок в длинном, до босых пят, рваном зипуне и барашковой шапке. Он кричал на коров и ловко хлопал бичом, который волочился за ним в пыли, как змея.

Сидя на крыльце, Миша мастерил рогатку, но мысль о кортике не выходила у него из головы. Ничего в этом кортике нет, разве что бронзовая змейка... И почему Полевой его прячет?

Рогатка готова. Эта будет получше Генкиной! Миша вложил в нее камешек и стрельнул по прыгавшим на дороге воробьям. Мимо! Воробьи поднялись и уселись на заборе соседнего дома. Миша хотел еще раз выстрелить, но в доме раздались шаги, стук печной заслонки, плеск воды из ушата. Миша спрятал рогатку за пазуху и вошел в кухню.

Бабушка передвигала на скамейке большие корзины с вишнями. Она — в своем засаленном капоте с оттопыренными от множества ключей карманами. Чуть кося, щурятся маленькие, подслеповатые глазки на ее озабоченном лице.

— Куда, куда! — закричала она, когда Миша запустил руку в корзину. — Ведь придумает... грязными лапами!

— Жалко уж! Я есть хочу, — проворчал Миша.

— Успеешь! Умойся сначала.

Миша подошел к умывальнику, чуть смочил ладони, прикоснулся ими к кончику носа, тронул полотенце и отправился в столовую.

На своем обычном месте, во главе длинного обеденного стола, покрытого коричневой цветастой клеенкой, уже сидит дедушка. Дедушка — старенький, седенький, с редкой бородкой и рыжеватыми усами. Большим пальцем он закладывает в нос табак и чихает в желтый носовой платок. Его живые, в лучах добрых, смешливых морщинок глаза улыбаются, и от его сюртука исходит мягкий и приятный запах, только одному дедушке свойственный.

На столе еще ничего нет. В ожидании завтрака Миша поставил свою тарелку посреди нарисованной на клеенке розы и начал обводить ее вилкой, чтобы замкнуть розу в круг.

На клеенке появляется глубокая царапина.

— Михаилу Григорьевичу почтение! — раздался за Мишей веселый голос Полевого.

Полевой вышел из своей комнаты с обязанным вокруг пояса полотенцем.

— Доброе утро, Сергей Иванович, — ответил Миша и лукаво посмотрел на Полевого: небось не догадывается, что Миша знает про кортик!

Неся перед собой самовар, в столовую вошла бабушка. Миша прикрыл локтями царапину на клеенке.

— Где Семен? — спросил дед.

— В чулан пошел, — ответила бабушка. — Ни свет ни заря велосипед вздумал чинить!

Миша вздрогнул и, забыв про царапину, снял локти со стола. Велосипед чинить? Вот так штука! Все лето дядя Сеня не притрагивался к велосипеду, а сегодня, как назло, принялся за него. Сейчас он увидит камеру — и начнется канитель.

Скучный человек дядя Сеня! Бабушка, та просто отругает, а дядя Сеня скривит губы и читает нотации. В это время он смотрит в сторону, снимает и надевает пенсне, тербит золоченые пуговицы на своей студенческой тужурке. А он вовсе не студент! Его давным-давно исключили из университета за «беспорядки». Интересно, какой беспорядок мог наделать такой всегда аккуратный дядя Сеня? Лицо у него бледное, серьезное, с маленькими усиками под носом. За обедом он обычно читает книгу, скашивая глаза и наугад, не глядя, поднося ко рту ложку.

Миша опять вздрогнул: из чулана донеслось громыханье велосипеда.

И когда в дверях показался дядя Сеня с порезанной камерой в руках, Миша вскочил и, опрокинув стул, опрометью бросился вон из дома.

ГЛАВА 2

ОГОРОДНЫЕ И АЛЕКСЕЕВСКИЕ

Он промчался по двору, перемахнул через забор и очутился на соседней, Огородной, улице. До ближайшего переулка, ведущего на свою, Алексеевскую, улицу, не более ста шагов. Но ребята с Огородной, заклятые враги алексеевских, заметили Мишу и сбегались со всех сторон, вопя и улюлюкая, в восторге от предстоящей расправы с алексеевским, да еще с москвичом.

Миша быстро вскарабкался обратно на забор, уселся на нем верхом и закричал:

— Что, взяли? Эх вы, пугалы огородные!

Это была самая обидная для огородных кличка. В Мишу полетел град камней. Он скатился с забора во двор, на лбу его набухла шишка, а камни продолжали лететь, падая возле самого дома, из которого вдруг вышла бабушка. Она близоруко сощурила глаза и, обернувшись к дому, кого-то позвала. Наверно, дядю Сеню...

Миша прижался к забору и крикнул:

— Ребята, стой! Слушай, чего скажу!

— Чего? — ответил кто-то за забором.

— Чур, не бросаться! — Миша влез на забор, с опаской поглядел на ребячьи руки и сказал: — Что вы все на одного? Давайте по-честному — один на один.

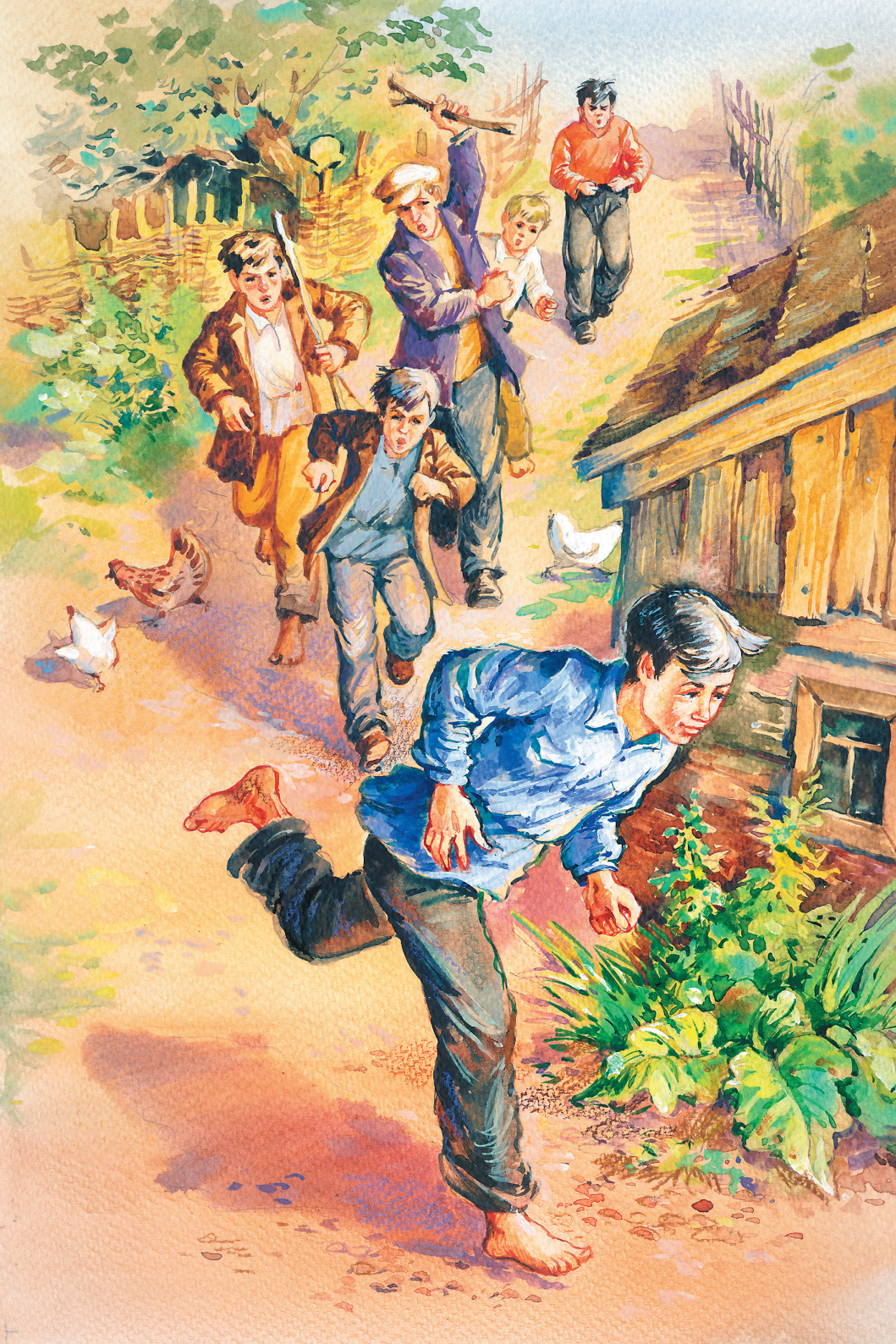
— Давай! — закричал Петька Петух, здоровенный парень лет пятнадцати.

Он сбросил с себя рваную кацавейку и воинственно засучил рукава рубашки.

— Уговор, — предупредил Миша: — Двое дерутся, третий не мешай.

— Ладно, ладно, слезай!

На крыльце рядом с бабушкой уже стоял дядя Сеня. Миша спрыгнул с забора. Петух тут же подступил к нему. Он почти вдвое больше Миши.

— Это что? — Миша ткнул в железную пряжку Петькиного пояса.

По правилам, во время драки никаких металлических предметов на одежде быть не должно. Петух снял ремень. Его широкие, отцовские, брюки чуть не упали. Он подхватил их рукой, кто-то подал ему веревку. Миша в это время расталкивал ребят: «Давай побольше места!..» — и вдруг, отпихнув одного из мальчиков, бросился бежать.

Мальчишки с гиком и свистом кинулись за ним, а сзади всех, чуть не плача от огорчения, бежал Петух, придерживая рукой падающие штаны.

Миша неся во всю прыть. Босые его пятки сверкали на солнце. Он слышал позади себя топот, сопенье и крики преследователей. Вот поворот. Короткий переулочек... И он влетел на свою улицу. Ему на выручку сбежались алексеевские, но огородные, не принимая драки, вернулись к себе.

— Ты откуда? — спросил рыжий Генка.

Миша перевел дыхание, оглядел всех и небрежно произнес:

— На Огородной был. Дрался с Петухом по-честному, а как стала моя брать, они все на одного.

— Ты с Петухом дрался? — недоверчиво спросил Генка.

— А то кто? Ты, что ли? Здоровый он парень, во какой фонарь мне подвесил! — Миша потрогал шишку на лбу.

Все с уважением посмотрели на этот синий знак его доблести.

— Я ему тоже всыпал... — продолжал Миша, — запомнит! И рогатку отобрал. — Он вытащил из-за пазухи рогатку с длинными красными резинками: — Эта получше твоей будет.

Потом он спрятал рогатку, презрительно посмотрел на девочек, формочками лепивших из песка фигуры, и насмешливо спросил:

— Ну а ты что делаешь? В пряточки играешь, в салочки? «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...»

— Вот еще! — Генка тряхнул рыжими вихрами, но почему-то покраснел и быстро проговорил: — Давай в ножички.

— На пять горячих со смазкой.

— Ладно.

Они уселись на деревянный тротуар и начали по очереди втыкать в землю перочинный ножик: просто, с ладони, броском, через плечо, солдатиком...

Миша первый сделал все десять фигур. Генка протянул ему руку. Миша соорудил зверскую физиономию и поднял кверху два поклонявленных пальца. Генке эти секунды кажутся часами, но Миша не ударил. Он опустил руку, сказал: «Смазка просохла», — и снова начал слюнявить пальцы. Это повторялось перед каждым ударом, пока Миша не вlepил наконец Генке все пять горячих, и Генка, скрывая выступившие на глазах слезы, дул на посиневшую и ноющую руку...

Солнце поднималось все выше и выше. Тени укорачивались и прижимались к палисадникам. Улица лежала полумертвая, едва дыша от неподвижного зноя. Жарко... Надо искупаться...

Мальчики отправились на Десну.

Узкая, в затвердевших колеях дорога вилась полями, уходившими во все стороны зелено-желтыми квадратами. Эти квадраты спускались в ложбины, поднимались на пригорки, постепенно закруглялись, как бы двигаясь вдаль по правильной кривой, неся на себе рожи, одинокие овины, ненужные плетни, задумчивые облака.

Пшеница стояла высоко и неподвижно. Мальчики рвали колосья и жевали зерна, ожесточенно сплевывая пристающую к небу шелуху. В пшенице что-то шелестело. Испуганные птицы вылетали из-под ребячьих ног.

Вот и река. Приятели разделись на песчаном берегу и бросились в воду, поднимая фонтаны брызг. Они плавали, ныряли, боролись, прыгали с шаткого деревянного моста, потом вылезли на берег и зарылись в горячий песок.

— Скажи, Миша, — спросил Генка, — а в Москве есть река?

— Есть. Москва-река. Я тебе уже тысячу раз говорил.
— Так по городу и течет?
— Так и течет.
— Как же в ней купаются?
— Очень просто: в трусиках. Без трусов тебя к Москве-реке за версту не подпустят. Специально конная милиция смотрит.

Генка недоверчиво ухмыльнулся.

— Чего ты ухмыляешься? — рассердился Миша. — Ты, кроме своего Ревска, не видал ничего, а ухмыляешься!

Он помолчал, потом, глядя на приближающийся к реке табун лошадей, спросил:

— Вот скажи: какая самая маленькая лошадь?

— Жеребенок, — не задумываясь, ответил Генка.

— Вот и не знаешь! Самая маленькая лошадь — пони. Есть английские пони, они — с собаку, а японские пони — вовсе с кошку.

— Врешь!

— Я вру? Если бы ты хоть раз был в цирке, то не спорил бы. Ведь не был? Скажи: не был?.. Ну вот, а споришь!

Генка помолчал, потом сказал:

— Такая лошадь ни к чему: ее ни в кавалерию, никуда...

— При чем тут кавалерия? Думаешь, только на лошадях воюют? Если хочешь знать, так один матрос трех кавалеристов уложит.

— Я про матросов ничего не говорю, — сказал Генка, — а без кавалерии никак нельзя. Вот банда Никитского — все на лошадях.

— Подумаешь, банда Никитского!.. — Миша презрительно скривил губы. — Скоро Полевой поймает этого Никитского.

— Не так-то просто, — возразил Генка, — его уж год все ловят, никак не поймают.

— Поймают! — убежденно сказал Миша.

— Тебе хорошо говорить, — Генка поднял голову, — а он каждый день крушения устраивает. Отец уж боится на паровозе ездить.

— Ничего, поймают.

Миша зевнул, зарылся глубже в песок и задремал. Генка тоже дремлет. Им лень спорить: жарко. Солнце обжигает степь, и, как бы спасаясь от него, молчаливая степь лениво утягивается за горизонт.

ГЛАВА 3

ДЕЛА И МЕЧТЫ

Генка ушел домой обедать, а Миша долго бродил по многолюдному и горластому украинскому базару.

На возах зеленели огурцы, краснели помидоры, громоздились решета с ягодами. Пронзительно визжали розовые поросята, хлопали белыми крыльями гуси. Флегматичные волы жевали свою бесконечную жвачку и пускали до земли длинные липкие слюни. Миша ходил по базару и вспоминал кислый московский хлеб и водянистое молоко, вымененное на картофельную шелуху. И Миша скучал по Москве, по ее трамваям и вечерним тусклым огням.

Он остановился перед инвалидом, катавшим на скамейке три шарика: красный, белый и черный. Инвалид накрывал один из них наперстком. Партнер, отгадавший, какого цвета шарик под наперстком, выигрывал. Но никто не мог отгадать, и инвалид говорил одураченным:

— Братцы! Ежли я всем буду проигрывать, то последнюю ногу проиграю. Это понимать надо.

Миша разглядывал шарики, как вдруг чья-то рука опустилась на его плечо. Он обернулся. Сзади стояла бабушка.

— Ты где пропадал целый день? — строго спросила она, не выпуская Мишиного плеча из своих цепких пальцев.

— Купался, — пробормотал Миша.

— «Купался!»! — повторила бабушка. — Он купался... Хорошо, мы с тобой дома поговорим.

Она взвалила на него корзину с покупками, и они пошли с базара.

Бабушка шла молча. От нее пахло луком, чесноком, чем-то жареным, вареным, как пахнет на кухне.

«Что они со мной сделают?» — думал Миша, шагая рядом с бабушкой. Конечно, положение его неважное. Против него — бабушка и дядя Сеня. За него — дедушка и Полевой. А если Полевого нет дома? Остается один дедушка. А вдруг дедушка спит? Значит, никого не остается. И тогда бабушка с дядей Сеней разойдутся вовсю. Будут его отчитывать по очереди. Дядя Сеня отчитывает, бабушка отдыхает. Потом отчитывает бабушка, а отдыхает дядя Сеня.

Чего только они не наговорят! Он-де невоспитанный, ничего путного из него не выйдет. Он позор семьи. Он несчастье матери, которую если не свел, то в ближайшие дни сведет в могилу. (А мама вовсе в Москве живет, и он ее уж не видел два месяца.) И удивительно, как это его земля носит... И все в таком роде...

Придя домой, Миша оставил корзинку на кухне и вошел в столовую. Дедушка сидел у окна. Дядя Сеня лежал на диване и, дымя папиросой, рассуждал о политике. Они даже не взглянули на Мишу, когда он вошел. Это нарочно! Мол, такой он ничтожный человек, что на него и смотреть не стоит... Специально, чтобы помучить. Ну и пожалуйста, тем лучше. Пока дядя Сеня соберется, там, глядишь, и Полевой придет. Миша сел на стул и прислушался к их разговору.

Ну, ясно! Дядя Сеня наводит панику. Махно занял несколько городов, Антонов подошел к Тамбову... Подумаешь! В прошлом году дядя Сеня тоже наводил панику: поляки заняли Киев, Врангель прорвался к Донбассу... Ну и что же? Всех их Красная Армия расколошматил. До них были Деникин, Колчак, Юденич и другие белые генералы. Их тоже Красная Армия разбила. И этих разобьет.

С Махно и Антонова дядя Сеня перешел на Никитского.
— Его нельзя назвать бандитом, — говорил дядя Сеня, расстегивая ворот своей студенческой тужурки. — К тому же, говорят, он культурный человек, в прошлом офицер флота. Это своеобразная партизанская война, одинаково законная для обеих сторон...

Никитский — не бандит?.. Миша чуть не задохнулся от возмущения. Он сжигает села, убивает коммунистов, комсомольцев, рабочих. И это не бандит? Противно слушать, что дядя Сеня болтает!..

Наконец пришел Полевой. Теперь всё! Раньше чем завтра с Мишей справляться не будут.

Полевой снял куртку, ботинки, умылся, и все сели ужинать. Полевой хохотал, называл дедушку папашей, а бабушку — мамашей. Он лукаво подмигивал Мише, именуя его не иначе как Михаилом Григорьевичем. Потом они вышли на улицу и уселись на ступеньках крыльца.

Прохладный вечер опускался на землю. Обрывки девичьих песен доносились издалека. Где-то на огородах неумоимо лаяли собаки.

Дымя махоркой, Полевой рассказывал о дальних плаваниях и матросских бунтах, о крейсерах и подводных лодках, об Иване Поддубном и других знаменитых борцах в черных, красных и зеленых масках — силачах, поднимавших трех лошадей с повозками, по десять человек в каждой.

Миша молчал, пораженный. Черные ряды деревянных домиков робко мигали красноватыми огоньками и трусливо прижимались к молчаливой улице.

И еще Полевой рассказывал о линкоре «Императрица Мария», на котором он плавал во время мировой войны.

Это был огромный корабль, самый мощный броненосец Черноморского флота. Спущенный на воду в июне пятнадцатого года, он в октябре шестнадцатого взорвался на севастопольском рейде, в полумиле от берега.

— Темная история, — говорил Полевой. — Не на mine взорвался и не от торпеды, а сам по себе. Первым грохнул

пороховой погреб первой башни, а там тысячи три пудов пороха было. Ну и пошло... Через час корабль уже был под водой. Из всей команды меньше половины спаслось, да и те погоревшие и искалеченные.

— Кто же его взорвал? — спрашивал Миша.

Полевой говорил, пожимая широкими плечами:

— Разбирались в этом деле много, да все без толку, а тут революция... С царских адмиралов спросить нужно.

— Сергей Иваныч, — неожиданно спросил Миша, — а кто главней: царь или король?

Полевой сплюнул коричневую махорочную слюну:

— Гм!.. Один другого стоит.

— А в других странах есть еще цари?

— Есть кой-где.

«Спросить о кортике? — подумал Миша. — Нет, не надо. Еще подумает, что я нарочно следил за ним...»

Потом все ложились спать. Бабушка обходила дом, закрывала ставни. Предостерегающе звенели железные затворы. В столовой тушили висячую керосиновую лампу. Кружившиеся вокруг нее бабочки и неведомые мошки пропадали в темноте. Миша долго не засыпал...

Луна разматывала свои бледные нити в прорезях ставен, и вот в кухне, за печкой, начинал стрекотать сверчок.

В Москве у них не было сверчка. Да и что стал бы делать сверчок в большой, шумной квартире, где по ночам ходят люди, хлопают дверьми и щелкают электрическими выключателями! Поэтому Миша слышал сверчка только в тихом дедушкином доме, когда он лежал один в темной комнате и мечтал.

Хорошо, если бы Полевой подарил ему кортик! Тогда он не будет безоружным, как сейчас. А времена ведь тревожные — гражданская война. По украинским селам гуляют банды, в городах часто свистят пули. Патрули местной самообороны ходят ночью по улицам. У них ружья без патронов, старые ружья с заржавленными затворами.

Миша мечтал о будущем, когда он станет высоким и сильным, будет носить брюки клёш или, еще лучше, обмотки, шикарные солдатские обмотки защитного цвета.

На нем — винтовка, гранаты, пулеметные ленты и наган на кожаной хрустящей портупее.

У него будет вороной, замечательно пахнущий конь, тонконогий, быстроглазый, с мощным крупом, короткой шеей и скользкой шерстью.

И он, Миша, поймает Никитского и разгонит всю его банду.

Потом он и Полевой отправятся на фронт, будут вместе воевать, и, спасая Полевого, он совершит геройский поступок. И его убьют. Полевой останется один, будет всю жизнь грустить о Мише, но другого такого мальчика он уже не встретит...

Затем кто-то черный и молчаливый тасовал его мысли, и, как карты, они путались и пропадали в темноте...

Миша спал.

ГЛАВА 4 НАКАЗАНИЕ

Это наказание придумал, конечно, дядя Сеня. Кто же больше! И самое обидное — дедушка с ним заодно. За завтраком дедушка посмотрел на Мишу и сказал:

— Набегался вчера? Вот и хорошо. Теперь на неделю хватит. Сегодня придется дома посидеть.

Весь день просидеть дома! Сегодня! В воскресенье! Ребята пойдут в лес, может быть, в лодке поедут на остров, а он... Миша скривил губы и уткнулся в тарелку.

— Чего надулся, как мышь на крупу? — сказала бабушка. — Научился шкодить...

— Хватит, — перебил ее дедушка, вставая из-за стола. — Он свое получил, и хватит.

Миша уныло слонялся по комнатам. Какой, право, скучный дом!

Стены столовой расписаны масляной краской. Потускневшие и местами треснувшие, эти картины изображали пузатое голубое море под огромной белой чайкой; ветвистых оленей меж прямых, как палки, сосен; одноногих цапель; бородатых охотников в болотных сапогах, с ружьями, патронташами, перьями на шляпах и умными собаками, обнюхивавшими землю.

Над диваном — портреты дедушки и бабушки в молодости. У дедушки густые усы, его бритый подбородок упирается в накрахмаленный воротничок с отогнутыми углами. Бабушка — в закрытом черном платье, с медальоном на длинной цепочке. Ее высокая прическа доходит до самой рамы.

Миша вышел во двор. Два дровокола пилили там дрова. Пила весело звенела: «Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь», и земля вокруг козел быстро покрывалась желтой пеленой опилок.

Миша уселся на бревно возле будки и разглядывал дровоколов. Старшему на вид лет сорок. Он среднего роста, плотный, чернявый, с прилипшими к потному лбу курчавыми волосами. Второй — молодой белобрысый парень с веснушчатым лицом и выгоревшими бровями, весь какой-то рыхлый и нескладный.

Стараясь не привлекать внимания пыльщиков, Миша засунул руку под будку и нащупал сверток. Вытащить? Он искоса посмотрел на пыльщиков. Они прервали работу и сидели на поленьях. Старший свернул козью ножку, ловко вращая ее вокруг пальца, и, насыпав с ладони табак, закурил. Молодой задремал, потом открыл глаза и, зевая, проговорил:

— Спать охота!

— Спать захочешь — на бороне уснешь, — ответил старший.

Они замолчали. Во дворе стало тихо. Только куры, выбивая мелкую дробь в деревянной лоханке, пили воду, смешно закидывая вверх свои маленькие, с красными гребешками головки.

Дровоколы поднялись и начали колоть дрова. Миша незаметно вытащил сверток, развернул его. Рассматривая клинок, он увидел на одной его грани едва заметное изображение волка. Миша повернул клинок. На второй грани был изображен скорпион и на третьей — лилия.

Волк, скорпион и лилия. Что это значит?

Около Миши вдруг упало полено. Он испуганно прижал кортик к груди и прикрыл его рукой.

— Отойди, малыш, а то зашибет, — сказал чернявый.

— Малышей здесь нет! — ответил Миша.

— Ишь ты, шустрый! — рассмеялся чернявый. — Ты кто? Комиссаров сынок?

— Какого комиссара?

— Полевого, — сказал чернявый и почему-то оглянулся на дом.

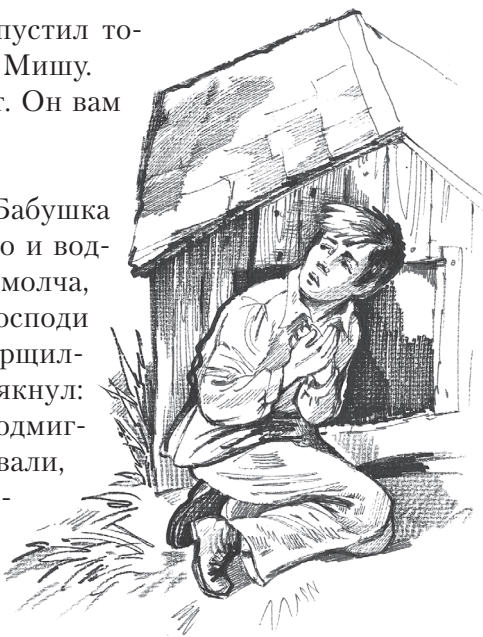
— Нет. Он живет у нас.

— Дома он? — Чернявый опустил топор и внимательно посмотрел на Мишу.

— Нет. Он к обеду приходит. Он вам нужен?

— Да нет. Мы так...

Дровоколы кончили работу. Бабушка вынесла им на тарелке хлеб, сало и водку. Они выпили. Белобрысый — молча, а чернявый со словами: «Ну, господи благослови». Он потом долго морщился, нюхал хлеб и в заключение крякнул: «Эх, хороша!» — и почему-то подмигнул Мише. Они не спеша закусывали, отрезая сало аккуратными ломти-

ками, обгрызая и высасывая шкурку. Потом выпили по ковшу воды и ушли.

Но бабушка не уходила. Она установила на треножнике большой медный таз с длинной деревянной ручкой, наложила под ним щепок и огородила от ветра кирпичами. Сейчас она будет варить варенье и уже не уйдет со двора. Как быть с кортиком? Миша встал и, пряча кортик в рукаве, пошел к дому.

Когда он проходил мимо бабушки, она проворчала:

— Не шуми: дедушка спит.

— Я тихо, — ответил Миша.

Он вошел в зал и спрятал кортик под валиком своего дивана. Как только бабушка уйдет со двора, он положит его обратно под будку. В крайнем случае — вечером, когда стемнеет.

В доме тишина. Только тикают большие настенные часы да жужжит муха на окне. Ну, чем заняться?

Миша подошел к комнате дяди Сени и прислушался. За дверью раздавались покашливание и шелест бумаги. Миша открыл дверь и, войдя в комнату, спросил:

— Дядя Сеня, почему моряки носят кортики?

Дядя Сеня лежал на узкой смятой койке и читал. Он посмотрел на Мишу поверх пенсне и недоуменно ответил:

— Какие моряки? Какие кортики?

— Как это «какие»? Ведь только моряки носят кортики. Почему? — Миша уселся на стуле с твердым намерением не сходить до самого обеда.

— Не знаю, — нетерпеливо ответил дядя Сеня. — Форма такая. Всё у тебя?

Этот вопрос означал, что Мише надо убираться вон, и он просительно сказал:

— Разрешите я немного посижу. Я буду тихо-тихо.

— Только не мешай мне. — Дядя Сеня снова углубился в книгу.

Миша сидел, подложив под себя ладони. Маленькая комната у дяди Сени: кровать, книжный шкаф, на письмен-

ном столе чернильница в виде пистолета. Если нажать курок, она открывается. Хорошо иметь такую чернильницу! Вот бы ребята в школе позавидовали!

На стенах комнаты развешаны картины и портреты. Вот Некрасов. На школьных вечерах Шурка Большой всегда декламирует Некрасова. Выйдет на сцену и говорит: «„Кому на Руси жить хорошо“. Сочинение Некрасова». Как будто без него не знают, что это сочинил Некрасов. Ох, и задавала же этот Шурка!

Рядом с портретом Некрасова — картина «Не ждали». Каторжник неожиданно приходит домой. Все ошеломлены. Девочка, его дочь, удивленно повернула голову. Она, наверно, забыла своего отца. Вот его, Мишин, отец уже не вернется. Он погиб на царской каторге, и Миша его не помнит.

Сколько книг у дяди Сени! В шкафу, на шкафу, под кроватью, на столе... А почитать ничего не даст. Как будто Миша не умеет обращаться с книгами. У него в Москве своя библиотека есть. Один «Мир приключений» чего стоит!

Дядя Сеня продолжал читать, не обращая на Мишу никакого внимания. Когда Миша выходил из комнаты, дядя даже не посмотрел на него.

Какая скука! Хоть бы обед поскорей или варенье поспело бы! Уж пенки-то, наверно, ему достанутся... Миша подошел к окну. Большая зеленая муха с серыми крылышками то затихала, ползая по стеклу, то с громким жужжаньем билась об него. Вот что! Нужно потренировать свою волю: он будет смотреть на муху и заставит себя не трогать ее.

Миша некоторое время следил за мухой. Вот разжужжалась! Так она, пожалуй, дедушку разбудит. Нет! Он заставит себя поймать муху, но не убьет ее, а выпустит на улицу.

Поймать муху на стекле проще простого. Раз! — и она уже у него в кулаке. Он осторожно разжал кулак и вытащил муху за крылышко. Она билась, пытаясь вырваться. Нет, не уйдешь!